

Изъ письма Н. П. Кирѣвской къ іеромонаху Макарію.

(Декабрь 1846).

Иванъ Васильевичъ такъ огорчился кончиною Языкова, что сдѣлался нездоровъ. Докторъ запретилъ ему выѣзжать, но онъ поѣхалъ не только на отпѣваніе въ церковь, но и въ Даниловъ, гдѣ похоронили Языкова. И еще разстроился и простудился: глаза очень болятъ, спина, бокъ и, кажется, сердце опять болятъ, хотя онъ скрываетъ и не ложится. Доктора говорятъ про него, что онъ нехорошъ, что ему должно очень беречься и полѣчиться, но онъ ничего не хочетъ дѣлать. Это меня сильно огорчаетъ, часто боюсь за него и прошу васъ, милостивый отецъ мой, помолитесь ко Господу о исцѣленіи и сохраненіи его жизни.

Письмо митрополита Филарета къ Н. П. Кирѣвской.

Милостивая государыня Наталья Петровна.

Вы конечно не ожидаете отъ меня письма, и я не думалъ, что буду писать и особенно въ сіи дни. Но до меня дошли свѣдѣнія изъ вашего края и сужденія о нихъ такія, по которымъ опасаясь, чтобы не согрѣшить молчаніемъ.

Помнится, отъ васъ самихъ я слышалъ, что вы устроили уединенную келію для принятія странствующихъ изъ монашествующихъ. Теперь слышится мнѣ, что вы приглашаете въ нее о. Макарія и не только при посѣщеніи васъ, для отдыха въ ней на нѣсколько часовъ или на день, но и на мѣсяцъ и болѣе. Позвольте вамъ сказать, что доброе намѣреніе не всегда вѣрно ручается за доброту дѣла и его послѣдствій. Какъ о. Макарій многимъ въ обители духовный отецъ и наставникъ, а такъ же и посѣщающимъ обитель: то его удаленіе на долгое время многихъ можетъ затруднить и разстроить. И какъ такое удаленіе было бы не въ обыкновенномъ законномъ порядкѣ, то онъ

можетъ подать случай къ разнымъ сужденіямъ, не чуждымъ даже соблазна. Можетъ случиться, что и начальство обратитъ на сіе такое вниманіе, которое не будетъ пріятно ни о. Макарію, ни настоятелю, ни обители. Если бы случилось, что ваше приглашеніе уже дано и принято, не колеблюсь предложить, чтобы вы показали сіе письмо о. Моисею и о. Макарію, и чтобы они положили на вѣсы безпристрастнаго разсужденія съ одной стороны безмолвное успокоеніе, вѣроятно желательное для о. Макарія, съ другой тѣ послѣдствія, о которыхъ выше сказано, и посмотрѣли бы, которая сторона должна взять перевѣсъ. Провидѣніемъ Божиимъ устроено и послушаніемъ ограждено нынѣшнее положеніе о. Макарія, и трудъ на пользу душъ братіи безъ сомнѣнія Господь обратитъ во благо и душъ трудящагося. Простите меня, если вамъ покажется, что я вмѣшиваюсь въ ваши дѣла и мѣшаю дѣлу доброму и пріятному душъ вашей. Богъ, видящій сердце, принялъ ваше служеніе рабамъ Его, если оно и не такъ, или не тогда исполнится какъ вы предполагаете.

Впрочемъ Господь да внушитъ и старцамъ и вамъ, что это истинно Ему благоугодно и душамъ полезно.

Божіе благословеніе и миръ вамъ, и супругу вашему, и чадамъ, усердно призываю.

Вашъ смиренный богомолецъ Филаретъ м. Московскій.

Въ Москвѣ, Марта 7-го 1850 г.

Оправдательное письмо графа Ѳ. В. Ростопчина къ А. Ѳ. Лабзину.

29 Мая 1813 (Москва).

Получа письмо ваше, я для того тотчасъ на оное не отвѣчалъ, что шесть дней страдалъ головою. Начну съ совѣстной очистки на пункты уголовныхъ дѣлъ.

1-е. Глупо упрекать меня, что я возмущалъ народъ противъ иностранныхъ, говоря: *тащите ко мнѣ*. Симъ я привудилъ чернь водить къ себѣ все то, что имъ казалось подозрительно. Когда говорятъ: *есть, дескать, законъ*, — я его и не нарушалъ; но я былъ главной начальникъ Москвы съ полной властію, и изо ста человекъ, кои у меня были въ приводѣ, ни одинъ не былъ битъ, а по растолкованіи всѣ отпущены. Тѣ два Нѣмца, о коихъ вы говорите, навлекли на себя злость, говоря дурно о Русскихъ, браня ихъ и заспоривъ съ мѣнялами. Но оба выздоровѣли.

2-е. Верещагинъ остался у меня на дворѣ лежащій отъ удара сабли, которой я велѣлъ ему дать, а что съ нимъ дѣлалъ народъ, о томъ я узналъ уже на другой день по выходѣ изъ Москвы. Верещагина же и Сенатъ осудилъ къ кнуту, чего онъ былъ достоинъ.

3-е. Что я грабилъ магазинъ Шальме. Онъ уже былъ разграбленъ и козаками, и мужиками. Остался фарфоръ и бронза. Я себѣ взялъ незначущій сервизъ и 4 дюжины чашекъ, часы отослалъ одни къ архіерею, а 13—описаны и продаются. Магазейнъ и домъ по высочайшей волѣ описаны, и первой назначенъ въ пользу бѣдныхъ, для чего и открылись аукціоны.

Фарфоръ же и чашки я взялъ, какъ начальникъ города, коему ни пить, ни есть нельзя было, не имѣя ничего своего въ домѣ. И когда другой пріѣдетъ на мое мѣсто, то я ему отдамъ эту мерзость. Сіе обвиненіе вамъ докажетъ, что у насъ ничего святаго нѣтъ, и въ воровствѣ, кажется, можно бы было не подозрѣвать человѣка, которой не хотѣлъ вывезти на 500 тысячъ рублей имущества (а могъ бы), и для того, чтобъ не ночевали Франгузы въ его домѣ (въ Вороновѣ), сжегъ его со всѣми строеніями также на 500 тысячъ и болѣ.

4-е. Что не выставилъ молодцовъ 100 тысячъ въ армію, то это отъ того, что его свѣтлость рѣшился скоростижно оставить Москву Бонапарту. А городъ былъ уже пустъ, и симъ Россія и армія были спасены. Но, право, мерзко и о семъ говорить.

Я вамъ скажу, что я ни шагу ни сдѣлаю, чтобъ меня хвалили, любили и превозносили. Предоставляю сіе о томъ, кои достойны сего подлостью, воровствомъ и обманомъ. Нѣтъ народа умнѣ Русскаго, но нѣтъ и безразсуднѣе и легковѣрнѣе. Площадь, бесѣда—все эхо. Я нахожу, что въ 20 лѣтъ перестать должно учиться, въ 30—нравиться женщинамъ, въ 40—искать общаго мнѣнія, а въ 50—жить для другихъ. Вотъ мое исповѣданіе, при немъ останусь непоколебимъ и преображаюсь изъ гаера въ зрителя.

Прощайте. Я боюсь одного, чтобъ Цесарцы не пристали вмѣсто насъ къ Французамъ: тогда опять много суматохи будетъ и безпокойства, а я хочу быть покоенъ. Россія лишилась холоднаго своего спасителя князя Смоленскаго, но обрящетъ его паки въ лицѣ Валуева, Жюда Перца и архимандрита Мельхиседека. Вотъ наши: Пожарской, Мининъ и Палицынъ, а я вашъ преданный графъ Ф. Ростопчинъ^{*)}.

*) Извлечено изъ „Русскаго Слова“, изъ статьи П. Е. Щеголева. П. Б.